ИЗ ИСТОРИИ НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

DOI 10.22455/2541-8297-2017-4-326-357

УДК 821.161.1

Как всё начиналось

Альбин Конечный

Аннотация: Приводятся документы и воспоминания о работе автора по созданию Музея А.А. Блока в Ленинграде и организации в Музее истории Ленинграда выставки «Петербургские народные гулянья и развлечения. Конец XVIII — начало XX веков» (1984).

Ключевые слова: Музей-квартира Александра Блока, народные гулянья, городская зрелищно-бытовая культура, музейное дело, история гуманитарных институтов.

Информация об авторе: Альбин Михайлович Конечный, старший научный сотрудник в Музее истории Санкт-Петербурга (1979–1994) и в Российском институте истории искусств (1994–2014); Санкт-Петербург. E-mail: ya.albin1935@yandex.ru

Старинный друг Токуаки Баннай — профессор Государственного университета Хитоцубаси (Токио) — с присущей ему деликатностью и настойчивостью, уговорил вспомнить, с чего началось мое изучение зрелищно-бытовой культуры дореволюционного Петербурга¹.

А всё началось с Александра Блока, и не случайно.

В 1980 г., по «Постановлению партии и правительства», отмечалось столетие со дня рождения Александра Блока. Блок был канонизирован и удостоен, после Пушкина, звания Великого русского поэта. Волею судеб, я и моя жена, Ксения Кумпан, были втянуты в вихрь юбилея: работали в архиве, разыскивая материалы для блоковского «Литературного наследства», готовили публикации и участвовали, по просьбе В.Н. Орлова, в подготовке двухтомника «Александр Блок в воспоминаниях современников» (издан в 1980 г.). И вот, в июле 1979 г., по решительному настоянию В.Н. Орлова — члена Всесоюзного юбилейного комитета по

¹ Фрагменты данного очерка приведены в переводе на японский в статье: *Bannai Tokuaki. A. Konechnyi's works on Pre-revolutionary Popular Fairs and Amusements — One of the First Researches of Russian Cultural Studies in the Last Period of Soviet Regime // Journal of the Open University of Japan. 2016. № 34. P. 93–108.*

празднованию столетия поэта, я был принят на работу (за это Владимир Николаевич обещал завещать Музею свою библиотеку и ряд картин, и слово свое сдержал) в Отдел истории города Государственного музея истории Ленинграда (ГМИЛ) и возглавил группу по созданию Музея-квартиры Александра Блока, как филиала ГМИЛ.

Первоначально музей-квартира Блока должен был располагаться на втором и четвертом этажах дома № 57 по улице Декабристов. Это была коммуналка, заселенная рабочими. Помню, что как-то ранним утром мы пришли осматривать последнее прибежище Блока на втором этаже дома. Нам открыла дверь немолодая женщина, в «веселом» настроении, и узнав, что здесь будет располагаться музей, стала читать какие-то строки из Блока, перебивая их рассказом от том, что все квартиранты знают, кем был их прежний жилец, гордятся этим и любят его поэзию. Мы зашли в небольшую комнату, где скончался Блок, там, кроме сохранившейся изразцовой печи, маленького столика, табурета и искореженной железной кровати, больше ничего не было. На столе стояла почти полная бутылка «бормотухи» (странно, что ее не допили накануне!), а на кровати дремал ее владелец, который мирно отреагировал на наше появление. К моменту строительства музея, жильцы съехали, получив отдельные квартиры, правда, вместе с ними исчезла и латунная ванна, которой пользовалась Любовь Дмитриевна, да и нам она была ни к чему. Когда начался монтаж мемориала и экспозиции, жильцы часто приходили к нам и живо интересовались ходом дел и трепетно рассматривали экспонаты, и хотя посторонним не полагалось здесь находиться, но мы им полностью доверяли, ведь это тоже был их дом.

Юбилей отмечался с размахом, и ситуация почти выходила из-под контроля, бдела только цензура — «недреманное око начальства».

Блок оказался в одиночестве, вырванным из культурного контекста своего времени, — запрещено было упоминать в печати многих лиц из его окружения, особенно это касалось эмигрантов «первого призыва» (по выражению С. Маковского). С. Бочаров рассказывал мне, что он вынужден был прибегнуть к эвфемизму, заменив в статье фамилию Ходасевича на «поэта тяжелой лиры» («Тяжелая лира» — сборник стихотворений В. Ходасевича). Бывали и курьезы. В одной моей публикации о Блоке главный редактор «Литературного обозрения», увидев ссылку на запрещенную тогда книгу Берберовой «Курсив мой», но не учув крамолы, потребовал от рабочего редактора поставить курсив.

Цензура не дозволила, например, поместить в экспозиции музея современную фотографию окрестностей Шахматова, потому что в кадр попали непонятные столбы с проводами. Позже, когда

Интервью А. Конечного перед открытием музея А.А. Блока. 1980

к нам в музей приехал офицер из этих мест, большой поклонник Блока, выяснилось, что вблизи Шахматова дислоцировалась обычная воинская часть. Известно, что Блок прекрасно знал город и часто бродил по нему. В его кабинете висел план Петрограда, но выставить его нам не разрешили. «Знающие люди» хорошо «понимали», что кто-то, «с того берега», может узнать, где находится Адмиралтейство и сколько мостов в городе (кстати, в послевоенные годы было запрещено фотографировать мосты). Я уже не говорю о книгах, посвященных Блоку, которые жестко «фильтровались» чиновниками известного учреждения — Комитетом по делам печати, так именовалась цензура. Правда, кое-что из «солёнького» нам удалось выставить.

В атмосфере двоемыслия проявляла себя и внутренняя цензура. Так, почтенный и авторитетный профессор Ленинградского университета (фамилию называть не буду) на полях машинописи тематико-экспозиционного плана, который я принес ему для отзыва, сделал две, ошеломившие меня, пометы карандашом: в экспозиции нет изображений Ленина и народовольцев (профессор был осведомлен, что эти персонажи к творчеству поэта не имели никакого отношения!). Чтобы не позорить профессора (план сдавался в архив, и когда-нибудь эти маргиналии обнаружались бы) и избежать скандала с дирекцией музея, я стер эти «ценные замечания».

Как-то, в октябре 1980 г., дирекция ГМИЛ'а попросила меня дать интервью телевидению о ходе работ по созданию музея. Режиссер телевидения предложила мне встать с микрофоном на берегу реки Пряжки, напротив дома, где находилась последняя кварта-

ра поэта. На мне была твидовая куртка (красная, с коричневыми квадратами), подаренная американским славистом, это была единственная одежда на выход. Интервью сняли и записали, но, спустя время, мне позвонила режиссер и огорченно сообщила, что из-за вызывающего вида куртки передачу не выпустили в эфир.

Курьез случился и с плакатом для Музея-квартиры Александра Блока, исполненным художником А.Б. Батуриным². С Александром Борисовичем мы долго перебирали фотографии поэта и, наконец, остановились на самой поздней, сделанной в 1921 г., она и послужила основой для плаката. Как представитель музея, я пришел на художественный совет Союза художников утверждать работу Батурина. Члены Совета долго всматривались в загадочное выражение глаз Блока на плакате. И вдруг кто-то вскрикнул: «Да ваш Блок смотрит из-за угла!» Начались прения, и всё же плакат утвердили, уже не оставалось времени на новый вариант плаката, а срывать правительственный срок открытия музея боялись.

Музей был открыт к юбилею поэта (25 ноября 1980 г.; ул. Декабристов, д. 57)³. Помпезного открытия музея, к счастью, не состоялось. На торжество должен был приехать первый секретарь обкома партии, но не явился, так как не нашлось красной ковровой дорожки, по которой по протоколу «их высочество» должен был взойти на четвертый этаж, в квартиру Блока. Избегая встречи с вельможами, и я не присутствовал при перерезании ленточки. На следующий день, направляясь на конференцию в Тарту⁴, мы с женой ехали на автобусе по Большому проспекту Васильевского острова, который пересекают улицы-линии, и на нескольких углах висел плакат с Блоком. Но когда мы вскоре вернулись из Тарту,

² Батурин Александр Борисович (1914–2003) — художник, график; ученик В.В. Стерлигова, за что был арестован в 1934 г., в 1938–1946 гг. находился в сталинских лагерях, реабилитирован в 1956 г. Работы А.Б. Батурина находятся в Русском музее, Третьяковской галерее, Музее истории города и др., а также за рубежом (в 1996 г. в Париже был учрежден Институт Александра Батурина). Ксения Кумпан и я познакомились и сразу сблизились и подружились с Александром Борисовичем в середине 1970-х гг., когда он часто приходил в Отдел эстампов ГПБ.

³ Подробнее о Музее-квартире Александра Блока см.: *Конечный А.* Последний адрес Блока // Литературное обозрение. 1980. № 11. С. 97–99. 25 ноября 1981 г. в Географическом обществе я выступил с сообщением «Об организации музея Александра Блока. (К вопросу о создании заповедных уголков Петербурга-Петрограда-Ленинграда)».

⁴ 28 ноября 1980 г. в Тартуском университете открылась конференция, посвященная 100-летию со дня рождения Александра Блока. Я выступил с сообщением «Рассмотрение драмы Александра Блока “Роза и Крест” в Литературно-театральном комитете (по материалам ЦГИА)», а также рассказал об открытии Музея-квартиры Александра Блока.

то плакаты на улицах были сняты, и большая часть тиража была припрятана, а может, уничтожена⁵.

Открытие музея широко освещалось в средствах массовой информации, а я получил бронзовую всесоюзную медаль за тематико-экспозиционный план музея.

Мне предложили стать директором музея, но я решительно отказался, и меня оставили в Отделе истории города в должности старшего научного сотрудника. Сотрудники отдела, помимо научной работы — написания ежегодных исторических справок и составления тематических картотек, занимались и просветительской деятельностью (чтением лекций, организацией тематических вечеров, экскурсий и пр.).

Для одной из лекций я выбрал историю Сенной площади, и шире, Коломны (быт простонародья, досуг горожан, торговля, появление доходных домов, отражение этой части города в русской поэзии и литературе: Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Достоевский, Блок и др.).

А в качестве научной работы предложил тему «Повседневная и зрелищная жизнь города на страницах газеты “Северная пчела”», которая выходила с 1825 до 1864 г. Основал газету (совместно с Н.И. Гречем) Ф.В. Булгарин — первый бытописатель повседневной жизни столицы⁶. «Северная пчела» стала регулярно освещать городской быт, сообщать о праздниках и развлечениях, фиксировать перемены в жизни столицы и ее горожан. И с этого времени газеты становятся ценнейшим источником информации по городскому быту во всех его проявлениях. Для начала я просмотрел и сделал выписки из «Северной пчелы» за 1825–1830 гг. и предложил администрации музея издать печатную (с иллюстрациями) летопись жизни города по материалам этой газеты. Однако начальство сочло подобную работу неуместной и нежелательной⁷. Мои доводы о том, что пропадает уникальный материал, что газеты разрушаются быстро, а читатели-варвары, ленясь делать выписки, вырезают бритвой газетные заметки (частое явление!) — остались неслышанными. (И вот, в феврале 1988 г. случился огромный пожар в библиотеке Академии Наук, погибла треть газетного фонда.)

⁵ Единственный плакат, который хранился у меня, я позже отдал Александру Борисовичу для его юбилейной выставки. На обороте макета плаката (он остался у меня) инскрипт А.Б.: «Дорогому Альбину. В память о неслучайной встрече, с любовью. А. Батурин».

⁶ Подробнее см.: *Конечный А.* Булгарин бытописатель и Петербург в его очерках // Петербургские очерки Ф.В. Булгарина. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. С. 5–42.

⁷ В свернутом виде я позже реализовал эту идею. Готовя к публикации «Петербургские очерки Ф.В. Булгарина», я просмотрел насквозь газету за 1825–1856 гг., сделал выписки и отобрал 24 репрезентативных очерка о повседневной и праздничной жизни горожан в 1820-х — начале 1840-х гг.

Однако я продолжал просматривать «Северную пчелу» и, обратив особое внимание на обильную информацию о площадных празднествах, решил написать историческую справку на этот сюжет. Машинописные работы сотрудников обсуждались внутри отдела, потом сдавались в архив и не всегда доходили до глаз начальства. В отделе было свободное расписание и можно было ежедневно, если не было заседаний, заниматься в библиотеках и архивах. Я регулярно просматривал «Пчелу», делал необходимые выписки и разыскивал документы по городским гуляньям в архиве (тогда он именовался Ленинградский Государственный исторический архив).

Прошлое Старого Петербурга по-прежнему оставалось закрытым. С первых дней своего существования новая власть ставила своей целью разрушить связь времен, и в частности, устои традиционного быта. Издаются декреты «Об отмене прав частной собственности на недвижимость в городах» (20 августа 1918 г.), «О принудительных уплотнениях и переселениях в квартирах» (27 апреля 1922 г.) и постановление «О районных тройках по уплотнению» (1920) и др.

По этим декретам лишние, по решению властей, комнаты вместе с обстановкой (мебелью, вещами и другими предметами домашнего обихода) переходили к новым владельцам. Что, кстати, произошло и с квартирой А. Блока.

Как отметил Юрий Щеглов: «Исторический катаклизм XX века осмысляется, помимо прочего, как грандиозный сдвиг в “вещественном оформлении” жизни: кажется, будто целая Атлантида вещей неожиданно погрузилась под воду, оставив ошарашенного носителя цивилизации на замусоренном берегу, где лишь трудно узнаваемые обломки напоминают о недавней густоте и пестроте окружавшего его предметного мира»⁸.

К 1930-м годам Старый Петербург практически исчезает со страниц произведений, выходящих в Москве и Ленинграде⁹. В советское время цензура всячески препятствовала проникновению в печать материалов о прежней повседневной и праздничной жизни города, если прошлое Петербурга не противопоставлялось настоящему, чтобы подчеркнуть новые и огромные перемены, происшедшие после революции в Ленинграде. С этих позиций и написаны воспоминания писателя Л.В. Успенского (1900–1978) «Записки старого петербуржца» (Л., 1970). Книга посвящена «великому Ленинграду»; в памяти автора «отражается не обычное время, а великий переломный период истории — живая половина нашего века» (С. 5).

⁸ Щеглов Юрий. Антиробинзонада Зоценко: Человек и вещь у М. Зоценко и его современников // *Die Welt der Slaven*. München, 1999. Bd. XLIV. С. 230–231.

⁹ См., к примеру: Филиппов Борис. Ленинградский Петербург в русской поэзии и прозе. Paris: La Presse Libre, 1974.

А. Конечный и Токуаки Баннай. 2015

И только в начале 1980-х гг. началось изучение и популяризация Старого Петербурга. Этому во многом способствовали работы тартуско-московской семиотической школы, выпустившей программный сборник «Семиотика города и городской культуры. Петербург»¹⁰ по материалам одноименной конференции, устроенной 11–13 февраля 1983 г. кафедрой русской литературы Тартуского университета, и начавшиеся в том же году в Институте этнографии Академии Наук ежегодные научные чтения «Этнография Петербурга-Ленинграда».

На восьмидесятилетии Лидии Яковлевы Гинзбург, которое отмечалось в гостинице «Европейская» 18 марта 1982 г., у меня завязался в застолье светский разговор с Кириллом Васильевичем Чистовым (зав. Отделом этнографии восточных славян Института этнографии). Я рассказал К.В. Чистову, что недавно вернулся из Тарту, где выступал на конференции¹¹ с сообщением о петербургских народных гуляньях на масленой и пасхальной неделях, и получил от него приглашение сделать на эту тему доклад в Институте этнографии и написать статью.

По инициативе Кирилла Васильевича и состоялось мое знакомство с Токуаки Баннай, этнографом и фольклористом, встреча с которым произошла (по свидетельству Токуаки) 23 апреля 1982 г. у здания Биржи, на стрелке Васильевского острова. А позже я и

¹⁰ Труды по знаковым системам. Тарту, 1984. Т. XVIII.

¹¹ 20–21 февраля 1982 г. в Тартуском университете проходила конференция, посвященная проблемам исследования литературы и народной культуры XVIII–XIX вв.

Ксения Кумпан познакомились с женой Токуаки — Томоко Баннай, которая также занималась русской культурой и бытом. И постепенно наше профессиональное общение переросло в дружбу.

В этом же, 1982 году, в Ленинград приехал Алексей Левинсон, у которого Токуаки (кажется, по нашей рекомендации) уже побывал в Москве и ознакомился с его диссертацией о народных гуляньях, и мы собрались в квартире на улице Беринга. Так сложилась наша тройка, одержимая изучением народных городских гуляний, их самобытной эстетики.

Необходимо сказать, что Алексей, как и я, не сразу пришел к теме народных гуляний. После окончания аспирантуры в Институте конкретных социальных исследований (ИКСИ) АН СССР в 1972 г. он написал диссертацию по теоретической урбанологии (его руководителем был знаменитый философ и социолог Ю.А. Левада¹²). На лекции Левады по социологии, которые собирали разнообразную и многочисленную аудиторию, обратила особое внимание московская партийная власть. Началась «чистка» ИКСИ, Леваду сослали в другой институт, а ученый совет закрыли — защита диссертации не состоялась. Алексей нашел работу социолога при архитекторах, которые проектировали парковые аттракционы, и решил заняться историей каруселей и качелей.

И вот, в поисках материалов по истории каруселей и качелей, Алексей Левинсон приехал в Ленинград (вероятно, в 1979 г.) и по совету нашего общего московского друга Александра Осповата обратился за помощью к Ксении Кумпан, которая в это время работала в Отделе эстампов Публичной библиотеки, она и привела в наш дом Алексея.

Левинсон написал работу «Социальная история народных гуляний: карусель» (1979), а в 1980 г. в Институте искусствознания защитил кандидатскую диссертацию «Развитие фольклорных традиций русского искусства на народных гуляньях»¹³.

В феврале 1983 г. на «петербургской» конференции в Тарту гуляньям было посвящено два доклада: мой о петербургских балаганах и А. Левинсона о карусельном «деде». Эта тема была всячески поддержана З.Г. Минц (в связи с поэзией Блока) и Ю.М. Лотманом, как историком культуры и исследователем светского и придворного быта.

¹² Левада Юрий Александрович (1930–2006) — в 1988 г. основал Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ), с 2004 г. — «Левада-Центр».

¹³ Эти работы вошли в монографию: *Левинсон А.* Опыт социографии: Статьи. М.: НЛО, 2004. В настоящее время А. Левинсон заведует Отделом социально-культурных исследований в «Левада-Центре», куда пришел работать в 1988 г.

Вернувшись из Тарту, я продолжил собирать сведения о гуляньях, просматривая «Северную пчелу», фонды Музея города, Отдела эстампов ГПБ и др., и даже поработал в Москве: в Историческом архиве, Театральном музее, Музее истории и реконструкции Москвы. Благодаря А.Г. Лебедевой¹⁴, я побывал в маленькой московской квартире А.Я. Шнеера¹⁵ и, с любезного согласия Александра Яковлевича, после крайне важного для меня разговора, познакомился с его уникальной картотекой по театру, цирку и эстраде.

Моими ориентирами в поисках сведений по городским гуляньям стали также две книги:

1. Лейферт А.В. Балаганы. Пг., 1922¹⁶.

2. Кузнецов Е.М. Русские народные гулянья по рассказам А.Я. Алексеева-Яковлева в записи и обработке Евг. Кузнецова. М.; Л., 1948¹⁷.

Необходимо с благодарностью вспомнить упомянутого выше Е.М. Кузнецова, успевшего записать рассказы Алексеева о его режиссерской деятельности на поприще устройства общедоступных зрелищ и развлечений. Беседы с Алексеевым Кузнецов вел в начале 1930-х гг., когда он был художественным руководителем цирка, а книга была завершена в послевоенные годы. При всей ценности и информативности этой работы, следует иметь в виду, что книга писалась в эпоху борьбы с космополитизмом. В своей монографии Кузнецов декларирует тезис: «творческая природа русских

¹⁴ Лебедева Анастасия Григорьевна (1900–1985) — литературовед, историк цирка; я и Ксения Кумпан бесконечно благодарны милой Анастасии Григорьевне за щедрую помощь во время занятий А. Блоком в конце 1970-х гг.

¹⁵ Шнеер Александр Яковлевич (1892–1994) — филолог, выпускник Бернского университета (Швейцария, 1917); один из авторов первой советской азбуки «Долой неграмотность. Букварь для взрослых» (1919; ему принадлежит фраза: «Мы — не рабы, рабы — не мы»); историк цирка и театра; инициатор создания «Театральной энциклопедии», составитель издания «Цирк. Маленькая энциклопедия» (1973, 1979).

¹⁶ Книга «Балаганы» написана сыном купца 2-й гильдии А.П. Лейферта (1849–1912?) — знаменитого антрепренера балаганного «театра Развлечения и Польза» (1880–1898) на Марсовом поле, устроителя городских гуляний. Подробнее см.: Петербургские балаганы. СПб.: Гиперион, 2000. С. 12–15.

¹⁷ Кузнецов Евгений Михайлович (1900–1958) — выпускник Царскосельского лицея (1917), историк эстрадного и циркового искусства, исследователь массовых народных зрелищ; зав. Отделом искусств ленинградской «Вечерней Красной газеты» (1920–1929); один из создателей Музея циркового искусства в Ленинграде (1928); художественный руководитель Ленинградского цирка (1933–36 и 1944–1947); основатель и редактор журнала «Советский цирк» (1957–1958).

А.Я. Алексеев-Яковлев (1850–1939)

народных гуляний» — в «подлинно народной, глубоко демократической линии русского национального лицедейства»¹⁸.

Из книги «Русские народные гулянья» я узнал, что А.Я. Алексеев (Яковлев)¹⁹ в начале 1930-х гг., по просьбе Музея циркового искусства и лично Е.М. Кузнецова, изготовил макет «“На горах”. “На балаганах”». Народные гулянья на масленице в 70–80-х гг. на Марсовом поле».

В поисках макета я обратился за помощью к научным сотрудникам Музея циркового искусства, которым меня рекомендовала А.Г. Лебедева. Музей размещался в здании цирка, построенного в 1877 г. цирковой семьей Газтано Чинизелли (современный адрес: наб. реки Фонтанки, 3). С сотрудниками музея у меня сложились доверительные отношения, особенно после того, как я прочел для

¹⁸ Кузнецов Е.М. Русские народные гулянья... С. 22. Хотя, как известно, на петербургских гуляньях до 1872 г. принимали участие исключительно иностранные труппы.

¹⁹ Несколько слов об авторе макета. Алексей Яковлевич Алексеев (сценический псевдоним Яковлев; 1850–1939) родился в Петербурге в семье дворянина; учился в гимназии. Творческий путь А.Я. Алексеева, как сценариста и режиссера, начался в начале 1870-х гг. у знаменитого В. Берга — содержателя «Пантомимного театра» на Адмиралтейской площади. Позже Алексеев работал как режиссер, художник-декоратор и сценарист в антрепризах Лейферта в балаганных театрах «Развлечения и Польза» (1880–1898) и «Скоморох» (1890–1891). На сцене «Развлечения и Польза» — одного из ведущих площадных театров Марсова поля, он поставил сорок пять своих инсценировок и двадцать семь «живых картин». Подробнее см.: Петербургские балаганы. С. 15–21.

артистов лекцию об истории цирков в Петербурге. Я стал часто бывать в музее, даже присутствовал в цирке на репетициях. Сотрудники (сейчас не могу вспомнить их имена) показали всё, что было в фондах музея. На мой вопрос: почему так мало сохранилось материала по дореволюционным гуляньям? — музейщики признались, что во время идеологических кампаний 1940-х гг. Е.М. Кузнецов спрятал от посторонних глаз часть материалов по истории дореволюционной массовой зрелищной культуры. Мне доверительно разрешили обследовать закрома здания цирка, его бесхозные помещения.

После продолжительных поисков, разгребая цирковой реквизит, в начале лета 1983 г. я обнаружил сильно помятый макет. Эта была самая радостная находка в моей жизни! И тут же созрело решение — надо устраивать выставку. Эта идея была поддержана и только что открывшейся в июне 1983 г. выставкой «Петербургские жанровые сцены», организованной сотрудниками фонда живописи и графики Музея истории города А.М. Павелкиной, Г.Б. Васильевой и К.В. Житорчуком. Жанровые сцены, главным образом XIX века, были представлены графикой, живописью и предметами декоративно-прикладного искусства.

Началась работа над составлением тематико-экспозиционного плана задуманной выставки. Музей циркового искусства любезно предоставил макет Яковлева Музею города на временное хранение, для его реставрации и экспонирования. Я разработал подробные методические указания (этот документ случайно сохранился у меня) по реставрации с восстановлением утраченных деталей и построек макета-миниатюры гуляний на Марсовом поле. В приложении поместил источники для реставрационных работ: фотографии, литографии, рисунки и лубки, архивные чертежи сооружений (балаганных театров, каруселей, катальных гор и торговых построек) и печатные свидетельства о гуляньях. Однако, Комбинат декоративно-прикладного искусства отказался брать на реставрацию маленький макет, заявив, что работа продолжительная и сложная, а оплата, по их расценкам, ничтожная. Меня выручила старая приятельница — художница Ленфильма Елена Серафимовна Фомина, взявшись с большим интересом и энтузиазмом бесплатно спасти макет²⁰.

А в декабре 1983 г. я выступил с докладом «Петербургские народные гулянья на масленой и пасхальной неделях» на первых чтениях «Этнография Петербурга-Ленинграда»²¹.

²⁰ 29 сентября 1984 г. на семинаре в Доме Ученых я сделал сообщение «История макета А.Я. Алексеева-Яковлева и ход его реставрации».

²¹ См.: Этнография Петербурга-Ленинграда. Тридцать лет изучения. 1974–2004. СПб., 2004. С. 14. См. также: *Конечный А.М.* Петербургские народные

Удача не покидала меня — в архивах, библиотеках и музеях к моим занятиям отнеслись с заметным интересом, мне любезно выдавали все материалы, делали необходимые копии.

При выявлении и отборе иконографического материала в большинстве случаев мне пришлось столкнуться с проблемой опознания, интерпретации и атрибуции конкретного изображения. Эта работа велась с одновременным привлечением архивных документов, периодики, исследований по истории Петербурга, каталогов выставок, свидетельств современников, сопоставлением идентичных изображений из фондов музеев Ленинграда и Москвы.

В Отделе истории города, где я работал, к выставке по гуляньям отнеслись благожелательно, одобрили мою историческую справку и тематико-экспозиционный план. Но памятуя, как администрация музея отказала мне в издании летописи повседневной и праздничной жизни города по материалам газеты «Северная пчела», я решил подстраховаться отзывом от специалистов Института этнографии, который и привожу ниже:

Отзыв

на тематико-экспозиционный план выставки «Петербургские народные гулянья и увеселения», составленный ст.н. сотр. ГМИИ
А.М. Конечным

Создание в ГМИИ выставки, посвященной народным гуляньям и увеселениям, следует всячески приветствовать. Она продолжает тематику, начало которой было положено выставкой «Петербургские жанровые сцены» и по своему содержанию будет отличаться новизной — показ городского быта вообще и народных гуляний, в частности, до сего времени почти отсутствовал в музеях. Вместе с тем вопрос о народных праздниках представляет большой научный интерес, как в контексте календарной обрядности, так и в контексте массовой бытовой городской культуры. О календарных обрядах, приуроченных церковью к православным праздникам (рождеству, пасхе и др.), но имеющих древнее языческое происхождение, имеются очень интересные монографии, вышедшие в последние годы. Что же касается городских праздников, то вопрос этот представляет практически научную целину. Следует также отметить, что выставка, посвященная петербургским гуляньям, будет, безусловно, интересна для самой широкой публики.

Тематико-экспозиционный план выставки составлен на высоком научном уровне. Краткие страницы «обоснования» основаны на большом исследовании, обобщении широкого круга источников (см. «исторические справки», составленные А.М. Конечным). «Обоснование» написано стройно, логично, тесно увязано с будущей выставкой, и, как нам представляется, в почти неизменном виде может быть использовано на экспозиции в виде трех текстов, предваряющих показ трех этапов

гуляний. Единственное замечание к тексту состоит в том, что в первом разделе говорится о «масленичных» и «весенних» гуляньях, во втором и третьем — о «масленичных» и «пасхальных». Второй вариант правильнее, т.к. весенние праздники отнюдь не исчерпываются пасхальными. Специальный показ масленичных и пасхальных гуляний интересен тем, что в них проявилась удивительная сила народных традиций, которые почти полностью перекрыли религиозную основу церковных праздников.

Подбор экспонатов для выставки представляется весьма удачным. Особенно хорошо, что среди них имеются подлинные предметы и макеты, тем более что некоторые из них можно показать в действии. Безусловно, интересны афиши и программы балаганов. Следует обратить внимание на цветовое решение выставки. Общее ее оформление может быть выполнено в театрализованном стиле.

Ст. науч. сотр. восточнославянского сектора ИЭ АН СССР,
доктор истор. наук

Т.В. Станюкович

Ст. науч. сотр. восточнославянского сектора ИЭ АН СССР,
канд. истор. наук

Н.В. Юхнёва.

Март 1984 г.

11 ноября 1984 г. в 15 часов (у меня сохранилось приглашение) в четырех залах бывшего Комендантского дома (Петропавловская крепость, 4) состоялось открытие выставки «Петербургские народные гулянья и развлечения. Конец XVIII – начало XX веков». У входа в залы, на подрамнике, находилась афиша гуляний, исполненная по моей просьбе художником А.Б. Батуриным²².

В городе еще не было рекламы выставки, поэтому на ее открытии присутствовали, в основном, музейщики — те, кто помогал в ее создании, друзья и просто любопытные, для них я и провел первую экскурсию.

На выставке было представлено около 150 экспонатов из различных фондов Государственного музея истории Ленинграда (графики и живописи, фототеки, плаката, историко-бытовой коллекции), а также материалы из собраний Отдела эстампов Государственной публичной библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, Музея циркового искусства, Ленинградского Государственного исторического архива, Государственного Русского музея, Ленинград-

²² Много времени провел я в мастерской Александра Борисовича, обсуждая различные варианты афиши, слушая его рассказы о занятиях живописью и лагерной Одиссеи, меня всегда поражала его детскость и доброта. Он умел слушать других и деликатно отстаивать свое мнение. Часто мы встречались в застолье в его доме, возвращаясь иногда с подарками его работ. В 1997 г. он лег в больницу (сердце), мы с женой навещали его. Александр Борисович не мог жить без привычных занятий, и когда он узнал, что я подготовил монографию «Быт и зрелищная культура Санкт-Петербурга — Петрограда XVIII — начало XX века. Материалы к библиографии» (СПб., 1997), то он, лежа на больничной койке, изготовил жизнерадостную обложку для книги.

Афиша выставки 1984 г.

ского Государственного музея театрального и музыкального искусства, Ленинградской театральной библиотеки им. А.В. Луначарского, Ленинградского Государственного архива кино-фоно-фото документов²³.

Экспозиция залов строилась по хронологическому принципу и отражала три периода в истории петербургских балаганов:

Первый зал. Народные развлечения в конце XVIII — первой четверти XIX в.

Второй зал. Празднества на Адмиралтейской площади (1827–1872).

Третий зал. Гулянья на Царицыном лугу (Марсовом поле), Преображенском и Семеновском плацах (1873–1901).

Четвертый зал посвящен самому любимому развлечению на праздничной площади — крытой карусели с балагуром-зазывалой — «дедом».

Следует заметить, что до начала XIX в. основным источником по истории гуляний служит изобразительный материал, так

²³ Подробнее см.: *Конечный А.М.* Петербургские народные гулянья и развлечения. Конец XVIII — начало XX в.: (Обзор выставки) // Советская этнография. 1985. № 6. С. 138–142 (с илл.).

как архивные документы по раннему периоду не обнаружены (вероятно, и не существуют), а обзоры народных увеселений появились в периодике только в 1810-х годах. Петербургский быт в эти годы не привлекал внимание русских художников, воспитанных на жанрах портрета и исторической живописи, поэтому первые зарисовки народных праздников принадлежат иностранцам, наблюдавшим неведомые им забавы. Художники-европейцы более остро воспринимали своеобразие и экзотику повседневной и праздничной жизни Петербурга. На переднем плане большинства изображений рубежа XVIII–XIX вв. находятся катальные горы (на масленице), либо перекидные качели и карусели (на пасхальной неделе). В это время на гуляньях преобладают не зрелищно-театральные формы, а развлекательные — прообраз современных аттракционов, вокруг которых и организовано пространство праздничной площади.

Изобразительный материал *первого зала* воссоздает общую картину народных развлечений конца XVIII — первой четверти XIX в., а также указывает места их проведения.

Гулянья на масленной неделе чаще всего проходили на льду (если он был крепким) Невы: против Смольного монастыря (гравюры Х.-Г. Гейслера), Литейного двора (офорт М.-Ф. Дамам-Демартре), Петропавловской крепости (гравюра Д. Кваренги, литографии Н. Серракаприола и П.П. Свинына), стрелки Васильевского острова (гравюра Й.-Е. Маркуса) и Петровской (Сенатской) площади (картина Д.-А. Аткинсона). Зимних деревянных катальных гор было всегда две (их высота достигала 20 м.), они возводились (чаще всего охтинскими плотниками) параллельно друг другу, но в разных направлениях — скатами навстречу. Помосты гор выкладывались льдом и поливались водой, а их башни украшались разноцветными флагами, елками, иногда скульптурой и «перспективными картинами», вечером освещались площадками.

В последней четверти XVIII в. горы появились и на пасхальных гуляньях — они были устроены по типу придворных катальных сооружений (как в Ораниенбауме и Царском Селе). С этих летних деревянных гор спускались по покатым желобам на колясках.

Пасхальные празднества устраивались на левобережных площадях Невы: Сенной (гравюры Х.-Г. Гейслера), Театральной (гравюра Д. Скелтона по рис. Д. Кваренги), Петровской (Сенатской; гравюра С.В. Галактионова) и на Царицыном лугу (Марсовом поле; гравюра Й.-Е. Маркуса). Центром этих гуляний были перекидные качели (круглые, маховые, подвесные) и карусели. В конце XVIII в. качели стали сооружать и на масленице.

Изобразительный материал дает представление не только о местах (топографии) проведения гуляний, но и об эволюции зрелищно-развлекательных форм народных развлечений, организации про-

странства места проведения гулянья, архитектуре и оформлении площадных построек, городских типажах и об атмосфере праздника. Заметим, что простонародные жанровые сцены возникают на многочисленных гравюрах и рисунках (реже в живописи) только в последнем десятилетии XVIII в., хотя и ранее бытовой материал присутствовал на различных изображениях города, но в качестве стаффажа. Художники-иностранцы, запечатлев, прежде всего, в своих рисунках экзотические, на их взгляд, сооружения — горы, качели и карусели, часто позже наряжали гуляющий на праздничной площади петербургский люд в придуманные одеяния.

Возле гор и качелей располагались небольшие строения в виде шалашей («лубошных») или сараев, получившие с 1820-х годов устойчивое название «балаганов», а сами праздники часто стали называть: гулянья «на горах», «на балаганах» (масленица) и «под качелями» (на Пасху). В этих деревянных (или из лубка) постройках выступали кукольники, вольтижеры, фокусники, давали представления комедианты.

Первые три или четыре дня праздника стечение гуляющих было не так велико. Но уже с четверга (эта традиция сохранилась и в XIX в.) почти весь город собирался у гор и качелей. Светская публика и состоятельные горожане выезжали на гулянье, чтобы продемонстрировать новые экипажи и моды, а также посмотреть на забавы народа, который, в свою очередь, с любопытством взирал на множество карет или саней, опоясывающих толпу и постройки. Праздничная площадь превращалась в своеобразную сцену (театр в театре), а участники гуляний были одновременно зрителями и действующими лицами.

Гулянья продолжались неделю (от воскресенья до воскресенья), открывались они в полдень по выстрелу сигнальной пушки²⁴ и с подъема разноцветных флагов²⁵ на всех крупных постройках, в восемь часов вечера праздника прекращались.

Празднества на Адмиралтейской площади (1827–1872), которым посвящен *второй зал* выставки, — период апогея театрально-зрелищного искусства и формирования классического типа гуляний «на балаганах».

Дважды в году (на масленой и пасхальной неделях) на площади возводился развлекательный городок, растянувшийся на расстояние более километра от Дворцовой до Исаакиевской площа-

²⁴ Полуденный выстрел с 1732 г. производился с Петропавловской крепости, в 1865–1872 гг. пушка находилась во дворе Адмиралтейства, с 1873 г. — на Нарышкином бастионе Петропавловской крепости.

²⁵ Что означала расцветка флагов или изображений на них: конкретную символику, принадлежность к определенному государству или частному лицу? — установить не удалось.

ди. Первую линию занимали большие балаганы (преобладали театры), обращенные фасадами к Невскому проспекту. Вдоль Адмиралтейства тянулись две катальные горы (всегда скатами навстречу друг другу) и располагались мелкие строения. По торцам второй линии, перпендикулярно ей, также стояли балаганы. Всего на площади находилось до 16 балаганов (в среднем 12), длина и высота их не регламентировалась, а ширина с 1836 г. была ограничена до 10 сажен (21 м). С 1867 г. с торгов в Городской Думе стали отдавать все постройки для народных праздников, разрешив за отдельную плату оставлять не сломанными балаганы и карусели после окончания масленицы на время Великого поста до гулянья на пасхальной неделе.

Главным развлечением горожан становятся многожанровые представления в балаганных театрах (в них шли короткие военные и приключенческие пантомимы, ставились «живые картины», выступали фокусники и вольтижеры и т.д.). В 1830 г. в балагане Лемана горожане впервые увидели пантомиму-арлекинаду, ставшую навсегда самым любимым театральным зрелищем.

Соперником площадных театров была большая карусель с балагуром-зазывалой — «дедом». Изобразительный материал выставки дает возможность проследить историческую трансформацию карусели от деревенского «масленичного колеса» XVIII в. (колесо от телеги насаживалось на замороженный в лед Невы столб, а по радиусам устанавливались перекладины с санями) до внушительного сооружения середины XIX в. — большой крытой карусели, представляющей собой синтез аттракциона и театрализованного зрелища (внутри карусели, в центре ее, находилась круглая сцена для представления «живых картин», коротких пантомим, танца), — публичка, кружась в лодочках или вагончиках, наблюдала представление. Подобная карусель, по мнению социолога А.Г. Левинсона, как «действие-зрелище повторяла в миниатюре всю систему гулянья»²⁶.

Всё это можно было увидеть в зале на литографиях К.П. Бегрова и В.Ф. Тимма, акварели В.С. Садовникова, гравюре Л.А. Серякова, картине «У балаганов» и др., а также на лубках и редких photographиях 1860-х гг. (горы, качели и карусели; балаган купца Малафеева с рекламой-щитом пантомимы «Битва русских с кабардинцами» и др.).

Особое внимание на выставке было уделено одной из любимых народных забав — райку, представленному в экспозиции макетом «Потешная панорама» и популярными лубками, которые демонстрировались в нем («Мыши погребают кота», листы из серии «Раёк», «Последний день разрушения города Помпеи» и др.)

²⁶ *Левинсон А.Г.* Развитие фольклорных традиций русского искусства на народных гуляньях. Машинопись. М., 1980. С. 146.

Зал выставки 1984 г. (слева — раёк)

под произвольный рассказ, который иногда не соответствовал сюжету картинки, владельца панорамы (раёшника)²⁷.

Напротив «Потешной панорамы» располагались ширма и куклы театра «Гиньоль» (изготовлен в 1867 г.; аналог русского Петрушки).

В 1830-х годах на гуляньях появились специальные постройки — «панорамы» (или «косморамы»), в которых демонстрировались живописные виды городов, экзотических уголков Европы и памятные исторические события. На выставке эту функцию выполнял старинный стереоскоп XIX века — оптическое устройство для объемного показа видовых фотографий на стекле.

Специально для детей мои друзья с «Ленфильма» (В. Лукин и В. Коковкин) оборудовали моторчиком праксиноскоп — металлический цилиндр с прорезями (прообраз кинематографа), куда вставлялись раскрашенные ленты с рисунками акробатов, фокусников и пр. Дети могли нажать кнопку, праксиноскоп начинал вращаться с определенной скоростью и фигурки приходили в движение²⁸.

²⁷ См.: Петербургский раёк. СПб.: Гиперион, 2003.

²⁸ Приводим отзыв (без правки) школьника на выставку: «Лебедев Стас, 10 лет, 4 класс. Мне здесь понравилось, но больше всего праксиноскоп, когда он крутиться там из-за картинки с акробатом получается что он бежит на руках и дрыгает ногами на которых прыгает кот. Мне ещё понравилась фотография, на которой изображена картина гора, отвесная пропасть. Жалко что нет в панораме картинок. Смешные были яички, музыка шарманки была хорошей шум толпы смешной. Картинка катание на Неве очень красиво нарисована смешной был петрушка. Я сказал о том который сидит с права что им можно детей пугать. На выставке мне очень понравилось большое спасибо».

Макет А.Я. Алексеева-Яковлева. 1930-е

О характере репертуара балаганов свидетельствуют подлинные афиши: «Цирк и Большой театра обезьян Ф. Липпарда» (1865), «Народный Пантомимный театра В. Берга» (1866) и копия рукописи представления в балагане В. Берга «Путешествие в ад купца Угорелова» (1871).

Экспонировались также копии документов: план расположения построек и список арендаторов балаганов во время масленичного гулянья 1854 г. (с указанием фамилий и подданства арендаторов, размера балагана и жанра представления в нем) и чертеж балагана Малафеева.

Жанровые сцены масленичных и пасхальных гуляний представлены фарфоровыми изделиями знаменитых петербургских заводов из бытовой коллекции Музея города — статуэтками и рисованными пасхальными яйцами, ранее принадлежавшими императорской семье.

На выставке можно проследить, как меняется техника изображения гуляний: на смену гравюре в 1820-х годах приходит литография, позднее лубок и фотография (особенно в 1890-х гг.).

Третий зал отведен гуляньям, которые проходили на Царицыном лугу (1873 — масленица 1897), Преображенском (пасхальное гулянье 1897 г.) и Семеновском плацах (1898–1901).

Главный экспонат этого зала — уникальный макет-миниатюра (длина 84 см, ширина 43 см) под авторским названием «“На горах”. “На балаганах”. Народные гулянья на масленице в 70-х — 80-х гг. на Марсовом поле», исполненный в начале 1930-х гг. А.Я. Алексеевым-Яковлевым и реставрированный художницей Е.С. Фоминой в 1983 г.

На макете воссоздан весь комплекс сооружений на Царицыном лугу (Марсовом поле): балаганные театры (и вывески на них),

катальные горы, «Большой самокат Николаева», карусели, качели, тир, «Музей восковых фигур», пожарное депо, полицейский пикет, торговые палатки («Берлинские пышки» и др.) и пр.

И хотя на Марсовом поле количество больших балаганных театров уменьшилось до четырех-пяти, они всё еще не потеряли былой притягательности. Однако, как свидетельствуют фотографии знаменитого мастера К. Булла, здесь отчетливо прослеживается тенденция к развитию и совершенствованию аттракционных форм: на гуляньях появляется карусель в виде парусных лодок, которые, кружась, покачивались, как на волне; летние катальные горы превращаются во внушительное механическое сооружение, получившее экзотическое название «американских гор»; перекидные качели обретают очертания паркового «Колеса обозрения».

Этот период гуляний, помимо фотографий, представлен также рисунками, лубками, афишами бенефиса клоуна Анатолия Дурова и балаганных театров (А. Берг, В. Егарева, А. Лейферта, Легата), программами и рукописями балаганных постановок, фарфоровыми статуэтками завода Гарднера. Завершает зал афиша общества «Старый Петербург», приглашающая в марте-апреле 1922 г. в Городскую Думу на «вечера, посвященные воспоминаниям о былых петербургских балаганах».

Четвертый зал посвящен самому любимому развлечению на праздничной площади — крытой карусели с балагуром-зазывалой — «дедом», который «заводил» толпу своими выкриками-прибаутками (часто непристойными) и зазывал покататься внутри карусели и одновременно посмотреть короткое представление на маленькой сцене в центре сооружения. На Марсовом поле крытая карусель с «дедом» получает свое завершение в «Большом самокате», который приводился в движение паровой машиной.

На стене, в центре этого зала, помещена огромная фотография «Большого самоката» с «карусельным дедом», слева у стены атрибуты «балагура» — залатанный армяк и лапти, под фотографией «Большого самоката» — стол с предметами для торговли на гуляньях: чайник с подогревом для сбитня, чайник для кваса, кринка для моченых груш, кружки, миска, полотенце. На стене справа повешена знаменательная афиша общества «Старый Петербург», извещающая о «грандиозных рождественских гуляньях» в манеже Николаевского кавалерийского училища с 30 декабря 1923 г. по 7 января 1924 г.

Однако, попытка общества «Старый Петербург» применить традиционные формы народных гуляний к новым социально-общественным условиям была обречена на провал.

Уходя с выставки, желающие могли включить и послушать записи шарманки и выкриков площадных торговцев.

На выставку сразу отреагировали газеты, радио и телевидение²⁹, которые явно предчувствовали грядущие перемены. (Период с 1982 по 1985 г., когда скончались три генеральных секретаря (Брежнев, Андропов и Черненко), мы позже окрестили: «Пятилетку в три гроба!»: парафраз сталинского призыва «Пятилетку в три года!») Благодаря широкой и разнообразной рекламе, яркой и необычной афише, уже через несколько дней резко увеличился приток посетителей.

В постоянных экспозиционных залах Комендантского дома и на временных выставках можно было взять (при входе или у смотрителей) для написания отзыва небольшой листок, изготовленный в типографии и утвержденный Управлением культуры, следующей формы:

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ ИСТОРИИ
ЛЕНИНГРАДА
ОТЗЫВ

Фамилия, имя, отчество....

Возраст....

Образование....

Профессия....

Эти листки временами забирал кто-нибудь из администрации — для ознакомления. К сожалению, посетители часто забывали поставить дату посещения выставки, поэтому выстроить хронологический ряд впечатлений и мнений об увиденном — не представляется возможным. Приведу несколько отзывов, сохранившихся у меня.

Естественно, что первыми желанными гостями стали этнографы: группа сотрудников Отдела этнографии восточных славян и Б.Н. Путилов (1919–1997), известный фольклорист, в те годы руководитель Группы общих проблем Института этнографии.

«Экспозиция “Петербургские народные гулянья и развлечения” представляет значительный научный и общественный интерес. Она показывает одну из интереснейших сторон быта старого Петербурга — неотъемлемую часть истории нашего города. Ее научная актуальность,

²⁹ У меня сохранился список откликов, который я составил для музейного отчета: *Воскресенская М.* Гулянье под шарманку. Выставка в Комендантском доме // Ленинградская правда. 1984. 17 ноября. — Телепрограмма «Ленинград» (репортаж С.В. Захаровой) 22 ноября 1984 г. — Интервью по радио «Ленинградская панорама» (вела Т.В. Мартыненко) 25 ноября 1984 г. — Телепрограмма «Контур» (репортаж о выставке; режиссер Е.Г. Плугатырева, вела Н.В. Оболенова) 30 декабря 1984. Повторена на Москву 6 января 1985 г. — Телепрограмма «Куранты» (мой сценарий «Петербургские развлечения») 2 февраля 1985 г. Повторена 17 февраля (на масленицу) 1985 г. и 2 февраля 1986 г.

помимо прочего, заключается еще и в том, что она включается в начавшиеся (или точнее — возобновленные) исследования по этнографии дореволюционного Петербурга — современного Ленинграда.

Необходимо отметить, что строительству экспозиции предшествовала значительная и полезная изыскательская работа — выявление и собирание материалов по истории народных гуляний.

Экспозиция хорошо смотрится и построена логично и интересно.

Помимо исторического достоинства экспозиция обладает и вполне актуальной информацией. Известно, что современное конструирование бытовых безрелигиозных обрядов далеко не всегда оказывается удачным как раз потому, что не используются старые городские (не деревенские!) традиции праздников и развлечений.

Единственное наше пожелание заключается в следующем: на экспозиции явно недостает игрушек, которые всегда массами продавались во время народных гуляний.

Сотрудники Института Этнографии Акад. Наук СССР

Зав. Отделом этнографии восточных славян, член-корреспондент АН СССР К. Чистов.

Ст. научн. сотрудник ЛОИЭ, докт. ист. наук Т. Станюкович.

Ст. н. сотр. ЛОИЭ, канд. ист. наук Н. Юхнёва.

Ст. н. сотр. ЛОИЭ, канд. ист. наук Е. Иванова.

м.н.с. ЛОИЭ, канд. ист. наук Ф. Люшкевич.

Ст. н. сотр. ЛОИЭ, канд. ист. наук Т.К. Шафрановская.

27/XI. 84 г.»

«Путилов Борис Николаевич, высшее, доктор филолог. наук, ст. научн. сотр. Ин-та этнографии А.Н. СССР

Выставка замечательна, необычайно интересная, соответствует в высокой степени широкому интересу к быту и культуре старого Петербурга-Ленинграда.

За нею — очень большая, трудоемкая работа организаторов.

Наши предложения:

1) Сохранить выставку как экспозицию.

2) Найти возможным материалы ее закрепить в специальном издании — в виде каталога или книги.

Спасибо за ценное и интересное начинание.

Б. Путилов»

В отзыве этнографов содержится важное для этих лет свидетельство: «Ее [выставки] научная актуальность, помимо прочего, заключается еще и в том, что она включается в начавшиеся (или точнее — возобновленные) исследования по этнографии дореволюционного Петербурга — современного Ленинграда». Напомню, что в 1983 г. в Институте этнографии состоялись первые чтения «Этнография Петербурга-Ленинграда», положившие начало ежегодной конференции (1983–2003)³⁰.

³⁰ См. список докладов (1983–2003): Этнография Петербурга-Ленинграда. Тридцать лет изучения. 1974–2004. СПб., 2004, С. 14–22. Помимо докла-

Б.Н. Путилов также отмечает, что выставка «необычайно интересная, соответствует в высокой степени широкому интересу к быту и культуре старого Петербурга-Ленинграда» и предлагает сохранить выставку в постоянной экспозиции Музея города и издать ее каталог.

С филологами З.Г. Минц и Ю.М. Лотманом мы часто с Ксенией Кумпан общались в Тарту и Питере — на конференциях и в домашнем застолье. В нашей однокомнатной квартире (на улице Беринга) Юрий Михайлович даже вел семинар по быту Павловской эпохи, а с Зарой Григорьевной обсуждали архивные находки для готовящегося блоковского тома «Литературного наследства». В один из их приездов, зимой 1985 г., я пригласил на выставку З.Г. Минц и Ю.М. Лотмана (вспоминаю, как Юрмих долго рассматривал огромный лубок³¹ «Последний день разрушения города Помпеи»³²):

«Лотман Юрий Михайлович, 63 г., высшее, филолог, историк культуры

Выставка имеет огромное культурное и общественно-воспитательное значение: она показывает *подлинно народную культуру*, те стороны народной жизни и народного духа, которые так любил Пушкин, и которые питали творчество А.Н. Островского и многих др. деятелей русской культуры. Т.к. эта сфера народной жизни совершенно не изучена, то очевидно, что создатели выставки проделали огромную *самостоятельную научную работу*. Эту работу необходимо поддержать и продолжить. Это отвечает насущным сегодняшним задачам нашей науки и культуры.

Доктор фил. наук, проф. Ю. Лотман»

Юрий Михайлович всегда призывал изучать «*подлинно народ-*

да о гуляньях (1983 г.), о котором упоминалось выше, я сделал еще два сообщения по тематике выставки: «Петербургский раёк» (1985; с показом лубков) и «Петербургский балаганный режиссер А.Я. Алексеев-Яковлев» (1996).

³¹ Лубкам, их театрализованной природе, Ю.М. Лотман посвятил статью: Художественная природа русских народных картинок // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. М., 1976. С. 247–267.

³² Возможно, этот лубок сподвинул Ю.М. Лотмана написать статью «Замысел стихотворения о последнем дне Помпеи» (Пушкин и русская литература: Сб. научных трудов. Рига, 1986. С. 24–33), где он пишет: «В 1834 г. в Петербурге была выставлена для обозрения картина Карла Брюллова “Последний день Помпеи”. На Пушкина она произвела сильное впечатление. Он сделал попытку срисовать некоторые детали картины и тогда же набросал стихотворный отрывок» (С. 24–25).

Гравированный лубок «Последний день разрушения города Помпеи» (55,5×65,5) был изготовлен в апреле 1834 г., после показа картины К. Брюллова в Париже, и получил широкое распространение в обеих столицах и в провинции; его можно было часто увидеть и в купеческих домах.

ную культуру», посвятив этой теме, к примеру, статью «Блок и народная культура города»³³.

«Минц З.Г., 58 л., высшее, филолог-русист

Выставка не только необыкновенно интересно смотрится, но и имеет большой научный интерес. Так, например, экспонаты выставки дают живой материал для понимания драмы Ал. Блока «Балаганчик» (петербургские «арлекинады»), стихотворений «Вербная суббота» (выставленные экспонаты: фарфоровые статуэтки, яйца, игрушки и т.д.). Выставка позволяет реконструировать черты ушедшего быта и народной культуры, что очень важно для практики современного театра и кино.

Профессор ТГУ, докт. филол. наук З. Минц»

Зара Григорьевна стимулировала мои занятия балаганами, особенно интересуясь, в связи с А. Блоком, постановкой арлекинад³⁴.

Режиссеры театра и кино, как и З.Г. Минц, отмечают, что «выставка-исследование необычайно важна» для всех работников театра для «оживления и восстановления фольклорных истоков театра», «обновления репертуара выразительных средств»:

«Тименчик Роман Давыдович, 40 лет, канд. филол. наук, зав. лит. частью ТЮЗ Латв. ССР

Эта выставка-исследование необычайно важна для всех работников советского театра, для режиссеров, сценографов, драматургов, ныне, как никогда, озабоченных проблемами связи Театра и Города, решения околосценического и внесценического пространства, вовлечение публики в театральное действие, оживления и восстановления фольклорных истоков театра. В ознакомлении с этой выставкой нуждаются все, кто сегодня работает в театре, кто ищет обновления репертуара выразительных средств. Сама по себе логика развертывания экспозиции на редкость «драматургична», выставка сама становится маленьким спектаклем. Хочется искренне поблагодарить организаторов за содержательное, умное и поучительное зрелище.

Р. Тименчик»

«Волков Леонид Михайлович, 50 лет, высшее, кинорежиссер

За свою творческую жизнь мне приходилось часто снимать фильмы, посвященные истории нашего города. Сегодня я понял, что не видел этот материал раньше. Насколько интереснее, выразительнее и исторически точнее можно было бы решать эпизоды.

³³ См.: Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 7–26.

³⁴ См.: *Минц З.Г.* В смысловом пространстве «Балаганчика» // Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам XIX. Тарту, 1986. С. 44–53. Автор благодарит меня за возможность ознакомиться с рукописью «Петербургские гулянья на балаганах».

Благодарю за необычную, яркую, необыкновенно полезную выставку.

Секретарь Союза кинематографистов СССР, лауреат Госпремии СССР

Л. Волков. 1/XII. 84 г.»

«Пухарев Юрий Михайлович, 35 [лет], высшее, режиссер

Мое впечатление можно выразить даже в одном слове: это удивительно! Удивительно и прекрасно! Трудно переоценить значение этой выставки: она и познавательна — где еще можно одновременно увидеть столь редкое собрание материала? — и полезна как для профессионалов, так и для всех остальных! Необходимо не терять столь прекрасное начало. Жаль, что нет каталога выставки. Хорошо бы на основе собранного материала поставить театрализованное представление, составлять его будет истинный материал, да мало ли что еще может быть?! Пропаганда русской культуры в том и заключается, и она необходима. Чем шире и глубже мы будем изучать истоки нашей культуры, тем более оснований надеяться на богатство современной.

Еще раз глубоко благодарю устроителей выставки за их гигантский труд, самоотверженность, в частности, Конечного Альбина Михайловича.

Ю. Пухарев»

«Коллектив Ленинградского театра кукол-марионеток с огромной признательностью благодарит организаторов этой *уникальной* экспозиции, представляющей одну из ярчайших страниц русской (и Петербургской) культуры и истории. Будет очень обидно, нелепо и негосударственно, если эта экспозиция, после окончания в этом зале, не найдет своего продолжения.

Необходим *каталог* этой уникальной выставки, и последующая экспозиция в различных выставочных залах Ленинграда и других городов.

Большая благодарность Альбину Михайловичу Конечному — организатору, создателю и *душе* этой выставки. Кропотливый, вдумчивый, научный подход в организации этой экспозиции виден во всём!

Большое спасибо!

По просьбе всех участников экскурсии — главный режиссер театра, з.д.и. РСФСР

В.Н. Лопухин»

В июле 1985 г. я и завлит театра кукол-марионеток Н.Д. Румянцева сочинили сценарий представления «Раёк», сыгранный актерами этого театра на специальном вечере.

Осмотрел выставку композитор и известный ученый И.В. Мациевский, написавший в эти годы музыку к трем нашумевшим в городе фольклорным фильмам: «Нескладуха» (1979), «Барабаниада» (1981) и «Небывальщина» (1983):

«Мациевский Игорь Владимирович, композитор, этноинструментовед, высшее, кандидат искусствоведения, зам. пред. Фольк[лорной]

комис. Союза композиторов СССР

Прекрасная выставка! Заслуживает всяческой поддержки и повторения, может быть, и еще более широкого. Хорошо бы сделать каталог и опубликовать материалы этой выставки отдельной книгой. Хорошо бы также попытаться сделать живую реставрацию отдельных эпизодов.

Поздравляю с большим успехом!

И. Мациевский»

Благодарю известного востоковеда Юрия Львовича Кроля за значимый для меня разговор о лубках и оценку выставки:

«Кроль Юрий Львович, 53 года, высшее, востоковед, ст.н.с. ЛО ИВ АН СССР

Выставка, посвященная народным празднествам старого Петербурга, произвела на меня самое лучшее впечатление. Благодаря усилиям, высокому профессиональному уровню и любви к делу ее устроителей удалось собрать, определить, связать в систему и представить яркий материал, доселе сокрытый от внимания ленинградцев. Перед глазами зрителя — целая страница почти неизвестного ему аспекта истории города, страница, помогающая понять и осмыслить существенные стороны родной культуры.

Чрезвычайно желательно, чтобы эту выставку повидало как можно большее число людей и чтобы она *была превращена в постоянную*.

Ю. Кроль»

Особая признательность искусствоведам за ценные советы и постоянную поддержку:

«Н.Т. Яглова, М.Ф. Коршунова, Е.И. Кириченко — Высшее, искусствоведы, кандидаты наук — Институт им. Репина, Государственный Эрмитаж, ВНИИ искусствознания.

Выставка знакомит с совершенно неизвестной областью культурной жизни города дореволюционной России. До сих пор изучается сфера профессионального театра, а между тем в прошлом, наряду с ним, существовала самостоятельная традиция народных празднеств, объединявших в неразрывном единстве явления, впоследствии приобретшие самостоятельность. Экспозиция имеет не только познавательную ценность, но и художественную. Начинание кажется нам очень плодотворным и своевременным, и поэтому было бы чрезвычайно желательно продолжение этой работы в экспозиционной деятельности музея.

Н. Яглова.

М. Коршунова.

Кириченко»

«Левинсон Алексей Георгиевич, 1944 г. рожд., высшее, канд. искусствоведения (история театр. искусства), искусствовед.

Выставка является первым в нашей стране научно выполненным собранием уникальных материалов по одной из важнейших форм отечественной демократической культуры. Учитывая общий объем экспозиции, можно сказать, что представлены полно и с вполне обоснованным отбором важнейшие источники и документы по истории народных гу-

лений. Выставка несомненно послужит стимулом для дальнейших исследований в области русской народной культуры. Администрация и научные сотрудники сделали замечательное дело, дав возможность широкому зрителю и специалистам ознакомиться с материалами, которые практически не были известны до сих пор, за некоторыми исключениями. Хочется надеяться, что музей продолжит начатую работу, научная, пропагандистская и культурная ценность которой очень высока.

Зав. сект. ВНИИ тех. эстетики А. Левинсон»

На выставке побывали представители разных профессий — сотрудники Музея этнографии народов СССР, Музея В. Маяковского (Москва), Музея фресок Дионисия (Ферапонтов монастырь), Музея под открытым небом (Архангельск), искусствоведы, научные работники, преподаватели, студенты, инженеры, дети с родителями, а также: архитектор, архивист, биохимик, комсомольский работник, плановик, строитель, режиссер массовых праздников, метрдотель из Сухуми, тракторист из Ташкента и др.

Однако цензура по-прежнему не дремала. Довольно скоро после открытия выставки мне позвонила смотрительница залов — пенсионерка, восторженная приверженица музейной профессии, и сообщила, что по выставке ходят две нелюбезные дамы с двумя парами очков (что особенно её поразило) и переписывают все этикетки к экспонатам (вот тогда я и забрал для защиты выставки ряд отзывов). А вскоре меня вызвали в дирекцию музея и заявили, что Управление культуры считает недопустимым появление подобной выставки, пропагандирующей дореволюционные праздники, и к тому же с религиозной тематикой (узрели пасхальные императорские фарфоровые яйца!³⁵). Чиновники проявили полное непонимание и неприятие петербургских «народных гуляний».

Нависла угроза демонтажа выставки. Но для этого нужно было собрать специальную комиссию, куда обязательно, кроме администрации и меня, должны были войти художник и монтажники, которые, получив деньги за работу, исчезли в неизвестном направлении ловить рыбу.

И снова за поддержкой я обратился к этнографам и искусствоведам.

5–7 марта 1985 г. в Институте этнографии проходили вторые чтения «Этнография Петербурга-Ленинграда» при участии мос-

³⁵ В конце 1985 г. в Музее истории города прошла отчетная профсоюзная конференция, на которой обсуждали итоги года. Как рассказали мне коллеги, несколько выступающих отметили особый успех выставки по гуляниям. Директор ГМИЛ Л.Н. Белова (1924–1993), преданная музейному делу и высокому начальству, вдруг неожиданно закричала: «Опять Конечный с его яйцами!» Так и прозвали меня за глаза: «Конечный с его яйцами».

ковского Института этнографии. В программу конференции входила экскурсия на выставку³⁶.

«Группа участников проводимой Институтом этнографии Акад. Наук СССР научной конференции, посвященной этнографии Петербурга-Ленинграда [5–7 марта 1985 г.], этнографы

Выставка в музее города Ленинграда, посвященная народным гуляниям, чрезвычайно интересна и важна для понимания истории и быта старого Петербурга и русского народного быта вообще. Можно представить себе, какой огромный труд музейных работников, собравших в различных хранилищах столь разнообразный и интересный материал и подготовивших прекрасную уникальную экспозицию, вложен в это полезное дело. В результате на ярких и убедительных экспонатах раскрыта интересная область городского быта, ранее не представленная ни в одном музее. Выставка несомненно послужит в дальнейшем для пополнения экспозиции Музея. Она имеет и практическое значение в связи с устройством народных гуляний и празднеств, приобретающих все большее значение в современном общественном быте. Для научных работников она важна в связи с разработкой проблем этнографии города, роли городской культуры в развитии народной русской культуры в целом. Многие экспонаты до устройства выставки были мало известны даже специалистам.

Подготовивший выставку А.М. Конечный сумел не только собрать материал, но и применить остроумные экспозиционные приемы, сделавшие этот материал доходчивым, понятным, доступным широким кругам ленинградцев и гостям города.

Следовало бы издать каталог выставки и во всяком случае зафиксировать выставку, являющуюся несомненным достижением музея.

М.Г. Рабинович, доктор историч. наук, член Научного совета по музеям Министерства культуры СССР.

О.Р. Бурина, кандидат ист. наук, сотр. Института этнографии АН СССР (Москва).

Е. Филиппова. Ин-т этнографии, Москва».

Этнографы отметили: в экспозиции «на ярких и убедительных экспонатах раскрыта интересная область городского быта, ранее не представленная ни в одном музее», и выразили пожелание — «выставка несомненно послужит в дальнейшем для пополнения экспозиции Музея» и «следовало бы издать каталог выставки и во всяком случае зафиксировать выставку, являющуюся несомненным достижением музея».

Приехали отстаивать выставку и сотрудники Института искусствознания Министерства культуры:

«Всесоюзный научно-исследовательский институт искусствознания МК СССР, сектор народного творчества
Научные сотрудники сектора народного творчества Всесоюзного

³⁶ См.: Этнография Петербурга-Ленинграда. Тридцать лет изучения. 1974–2004. СПб., 2004. С. 15–16.

НИИ искусствознания МК СССР ознакомились с выставкой “Петербургские народные гулянья и развлечения. Конец XVIII — начало XX веков”.

Считаем, что Главное управление культуры Исполкома Ленсовета, Государственный музей истории Ленинграда — создатели этой выставки, сделали значительный вклад в изучение истории отечественной культуры.

Проблема корней народной культуры, ее генезиса и преемственности новых форм всё более явственно осознается как одна из важнейших в общем ряду вопросов становления, развития и дальнейшего совершенствования социалистической культуры.

Своеобразным эпиграфом к выставке могут служить плакаты Общества изучения, популяризации и художественной охраны Старого Петербурга 1923 и 1924 гг., свидетельствующие о том, что важность сохранения традиции живой городской культуры такого историко-культурного центра, каким является Ленинград, осознавалась уже в первое послереволюционное десятилетие.

Коллектив сектора, работая над 1-м томом «Истории художественной самостоятельности народов СССР», знает многие свидетельства преемственности традиции народных гуляний в послереволюционной действительности.

Претворение форм в современных праздниках и тех праздниках будущего, которые предстоит создавать, не может не опираться на традиции, которые должны быть всесторонне рассмотрены и научно осмыслены.

Неотъемлемой частью этого многосложного и важного дела уже стала настоящая выставка. Не сомневаемся, что она многократно будет отражена в научных работах многих исследователей — в частности, и в трудах нашего института.

Выражаем особую благодарность горячему энтузиасту изучения отечественной культуры, культуры жемчужины отечественной истории — Ленинграда — ст. научному сотруднику музея истории Ленинграда Альбину Михайловичу Конечному, уделившему не один час времени для подробнейшего рассказа о выставке и большой работе, ведущейся отделом истории города Музея, исследователю вдумчивому и глубоко компетентному.

Зав. сектора, и.о. профессора, Л.П. Солнцева
Кандидаты искусствоведения:

Соколовская А.Л.

Богемская К.Г.

Румянцев С.Ю.

Уч. секретарь сектор Максимов В.Н.

30.03.85»

Но призыв авторитетного института: «Считаем, что Главное управление культуры Исполкома Ленсовета, Государственный музей истории Ленинграда — создатели этой выставки, сделали значительный вклад в изучение истории отечественной культуры» — не был услышан.

2 апреля 1985 г. выставка прекратила свое существование, и вскоре была полностью разобрана, ей не нашлось места в многозальной постоянной экспозиции по истории Петербурга в Комендантском доме Петропавловской крепости, она не была зафиксирована, каталог не издали, а мои отношения с администрацией после скандала оставляли желать лучшего.

Однако, несмотря на косность и охранительскую позицию чиновников, интерес к изучению прошлого, в частности к повседневной жизни, заметно возрастал: появлялись новые публикации, открывались выставки с исторической тематикой и т.д.

Здесь уместно вспомнить знаменательную статью архивиста и историка Ю.Н. Афанасьева «Прошлое и мы» (кстати, я показывал ее администрации музея, но без пользы), опубликованную в журнале «Коммунист» (1985. № 14. С. 105–166), в которой автор призывает исследовать историю без изъятий и идеализации.

Заметным событием в 1985 г. (год начала «перестройки») стала Межвузовская научно-практическая конференция «Досуг, игра и гармоническое развитие личности», которая проходила 27–29 ноября в Доме ученых³⁷, где с докладом «Игровые структуры в системе социального действия» выступил известный социолог Ю.А. Левада.

А 5 декабря 1986 г. во Дворце работников искусств им. К.С. Станиславского был устроен вечер (у меня сохранилось приглашение) в двух отделениях: 1. Петербургские площадные народные праздники (с моим рассказом). 2. Городской музыкально-песенный фольклор (выступал Ленинградский камерный фольклорный ансамбль).

Выставка послужила началом моих исследований и публикаций по зрелищно-бытовой культуре Старого Петербурга и выступлений с докладами и лекциями в Европейском университете Санкт-Петербурга и в зарубежных университетах (Америки, Германии, Италии, Швейцарии, Японии).

Литература

Конечный А. Булгарин бытописатель и Петербург в его очерках // Петербургские очерки Ф.В. Булгарина. СПб.: ИД «Петрополис», 2010. С. 5–42.

Конечный А. Быт и зрелищная культура Санкт-Петербурга — Петрограда XVIII — начало XX века. Материалы к библиографии. СПб.: РИИИ, 1997. 164 с.

Конечный А.М. Петербургские народные гулянья и развлечения. Конец XVIII — начало XX в.: (Обзор выставки) // Советская этнография. 1985. № 6. С. 138–142.

³⁷ Конференция была организована Высшей профсоюзной школой культуры, Ленинградским гос. университетом, Ленинградским институтом авиационного приборостроения. На конференции я делал сообщение «Игровые зрелищно-развлекательные формы петербургских площадных народных праздников в XIX в».

Конечный А.М. Петербургские народные гулянья на масленой и пасхальной неделях // Петербург и губерния: Историко-этнографические исследования. Л.: Наука, 1989. С. 21–52.

Конечный А. Последний адрес Блока // Литературное обозрение. 1980. № 11. С. 97–99.

Левинсон А. Опыт социографии: Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 664 с.

Лотман Ю.М. Блок и народная культура города // Наследие А. Блока и актуальные проблемы поэтики. Блоковский сборник IV. Тарту, 1981. С. 7–26.

Лотман Ю.М. Художественная природа русских народных картинок // Народная гравюра и фольклор в России XVII–XIX вв. М.: Сов. художник, 1976. С. 247–267.

Миц З.Г. В смысловом пространстве «Балаганчика» // Семиотика пространства и пространство семиотики. Труды по знаковым системам XIX. Тарту, 1986. С. 44–53.

Петербургские балаганы / Изд. подгот. А.М. Конечный. СПб.: Гиперион, 2000. 256 с. (Сер. «Забытый Петербург».)

Петербургский райк / Изд. подгот. А.М. Конечный. СПб.: Гиперион, 2003. 94 с. (Сер. «Забытый Петербург».)

Филлипов Борис. Ленинградский Петербург в русской поэзии и прозе. Paris: La Presse Libre, 1974. 72 с.

Щеглов Юрий. Антиробинзонада Зошенко: Человек и вещь у М. Зошенко и его современников // Die Welt der Slaven. München, 1999. Bd. XLIV. S. 225–254.

Этнография Петербурга-Ленинграда. Тридцать лет изучения / Ответств. ред.-составитель Н.В. Юхнева. 1974–2004. СПб.: МАЭ РАН, 2004. 402 с.

Bannai Tokuaki. A. Konechnyi's works on Pre-revolutionary Popular Fairs and Amusements — One of the First Researches of Russian Cultural Studies in the Last Period of Soviet Regime // Journal of the Open University of Japan. 2016. № 34. P. 93–108.

References

Bannai Tokuaki. “A. Konechnyi's Works on Pre-revolutionary Popular Fairs and Amusements — One of the First Researches of Russian Cultural Studies in the Last Period of Soviet Regime”. *Journal of the Open University of Japan*. 2016, № 34, pp. 93–108. (In Jap.)

Etnografiia Peterburga-Leningrada. Tridtsat' let izucheniia, 1974–2004, ed., comp. N.V. Iukhneva. St.Petersburg: MAE RAN Publ., 2004. 402 p. (In Russ.)

Filippov Boris. *Leningradskii Peterburg v russkoi poezii i proze*. Paris: La Presse Libre, 1974. 72 p. (In Russ.)

Konechnyi A. “Bulgarin bytopisatel' i Peterburg v ego ocherkakh”. *Peterburgskie ocherki F.V. Bulgarina*. St. Petersburg: Petropolis Publ., 2010, pp. 5–42. (In Russ.)

Konechnyi A. *Byt i zrelishchnaia kul'tura Sankt-Peterburga — Petrograda XVIII — nachalo XX veka. Materialy k bibliografii*. St. Petersburg: Russian Institute of Art History Publ., 1997. 164 p. (In Russ.)

Konechnyi A.M. “Peterburgskie narodnye gulian'ia i razvlecheniia. Konets XVIII — nachalo XX v.: (Obzor vystavki)”. *Sovetskaiia etnografiia*. 1985, № 6, pp. 138–142. (In Russ.)

Konechnyi A.M. “Peterburgskie narodnye gulian'ia na maslenoi i paskhal'noi nedel'akh”. *Peterburg i guberniia: Istoriko-etnograficheskie issledovaniia*. Leningrad: Nauka Publ., 1989. pp. 21–52. (In Russ.)

Konechnyi A. “Poslednii adres Bloka”. *Literaturnoe obozrenie*. 1980, № 11, pp. 97–99. (In Russ.)

Levinson A. *Opyt sotsiografii: Stat'i*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004. 664 p. (In Russ.)

Lotman Yu.M. "Blok i narodnaia kul'tura goroda". *Nasledie A. Bloka i aktual'nye problemy poetiki. Blokovskii sbornik*. Issue IV. Tartu, 1981, pp. 7–26. (In Russ.)

Lotman Yu.M. "Khudozhestvennaia priroda russkikh narodnykh kartinok". *Narodnaia graviura i fol'klor v Rossii XVII–XIX vv.* Moscow: Sovetsky khudozhnik, 1976, pp. 247–267. (In Russ.)

Mints Z.G. "V smyslovom prostranstve 'Balaganchika'". *Semiotika prostranstva i prostranstvo semiotiki. Trudy po znakovym sistemam*. Issue XIX. Tartu, 1986, pp. 44–53. (In Russ.)

Peterburgskie balagany, ed. A.M. Konechnyi. St. Petersburg: Giperion Publ., 2000. 256 p. (ser. "Zabytyi Peterburg") (In Russ.)

Peterburgskii raek, ed. A.M. Konechnyi. St. Petersburg: Giperion publ., 2003. 94 p. (ser. "Zabytyi Peterburg") (In Russ.)

Shcheglov Yuri. "Antirobinzonada Zoshchenko: Chelovek i veshch' u M. Zoshchenko i ego sovremennikov". *Die Welt der Slaven*. München, 1999. Bd. XLIV, pp. 225–254. (In Russ.)

How It All Began

Albin Konechnyi

Abstract: In the Soviet studies on Russian cultural history popular fairs (a variety of games, amusements, and leisure) in the pre-revolutionary era were among the most important aspects of Russian culture. However, it had hardly been researched primarily because of many taboos of "academism" in Soviet Humanities, although cultural models concerning to festivals and playing had been offered by M. Bakhtin, and Yu. Lotman. Especially the Russian popular fairs called *narodnye gulyan'e* which were the main entertainment in pre-revolutionary Russian cities, particularly for St. Petersburg citizens, had been absolutely without due care and attention. In this context A. Konechnyi's studies from the early 1980s were exceptional, fundamental and epoch-making. The exhibition "Narodnye gulyan'e and amusements in St. Petersburg on Carnival and Easter weeks" in November 1984 in the Museum of History of Leningrad which was organized by Konechnyi, caused a great "scandal" in the Soviet academia, resulting "pros and cons". The article describes in details the process of difficult and elaborate organization of this display, public reactions to it, and explains that Konechnyi's academic standpoints have been based on discoveries by painstaking work and reconstruction of "missing link" texts. The author argues that this new academic movement, though fledgling, might contribute significantly to the post-Soviet culture studies.

Keywords: Alexander Blok's memorial flat, public fairs (*narodnye gulyan'e*), city popular amusements and leisure, museum studies, history of the Humanities

Information about the author: Albin M. Konechnyi, Senior research fellow at the Museum of the History of St. Petersburg (1979–1994) and the Russian Institute of Art History (1994–2014), St. Petersburg. E-mail: ya.albin1935@yandex.ru